

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

Головнёв А. В. Феномен колонизации.

Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2015. 592 с.

Очередная фундаментальная монография доктора исторических наук, профессора, член-корреспондента РАН, главного научного сотрудника Института истории и археологии Уральского отделения РАН Андрея Владимировича Головнёва является логическим продолжением его «Антропологии движения», опубликованной в 2009 г. Она органично вписывается в историографическую традицию изучения и осмысления колонизации как важнейшего фактора, определяющего историческое развитие как отдельных народов, так всего человечества в целом (П. П. Леруа-Болье, Ф. Ратцель, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, Ф. Дж. Тернер, М. К. Любавский и др.), и при этом дает во многом новую и оригинальную трактовку данного исторического явления.

Широчайшая энциклопедическая эрудиция А. В. Головнёва, его богатый исследовательский опыт, умение доступно и с художественным изяществом анализировать и излагать огромный объем фактического материала делают рецензируемую монографию произведением не только научным, но и популярным, предназначенным для широкого круга читателей. «Феномен колонизации», как, заметим, и другие книги автора, читается легко и с большим интересом.

Рассматривая колонизацию как мировое явление, А. В. Головнёв исследует ее различные этносоциальные, территориальные и хронологические варианты. В первой части монографии («Классические вариации») он анализирует колонизационные процессы в эпоху палеолита (глава «Sapiens-колонизация»), Античности («Уроки Геродота»), Средневековья («Репертуар кочевников») и Нового времени («Эффект Реконкисты»). Во второй части («Магистрالی Руси») он сосредотачивает внимание на тех факторах, которые повлияли на колонизационный потенциал русского народа (главы «Нордизм», «Ордизм» и «Понтизм, или теополитика»). Наконец, третья часть («Прирастание России») посвящена стратегиям и практикам русской колонизации новых территорий (главы «Окраинные люди», «Северный ход», «Уральская рапсодия», «Рывок на восток»). В заключении автор предлагает свою типологию колонизации, оговаривая, правда, ее условность в зависимости от времени, территории и обстоятельств.

Генеральная идея «Феномена колонизации», дополняя и развивая наблюдения, изложенные автором в «Антропологии движения», заключается в следующих фундаментальных утверждениях: движение – это основополагающий принцип жизнедеятельности биологических организмов, в том числе человека, человеческих сообществ и человечества в целом [Головнёв, 2009. С. 7–28], соответственно, колонизация – это «изначальное и всеобщее свойство живой природы (от бактерии до человечества) распространяться по планете», и «человек более других живых существ преуспел в колонизации», сохранив при этом свое биологическое единство в социокультурном многообразии (С. 538 рецензируемой монографии). В связи с этим автор предлагает отказаться от негативной политической и идеологической трактовки колонизации, еще сохраняющейся в обществоведческих науках, и рассматривать это явление нейтрально, без негативных коннотаций, как универсальный механизм движения живой материи, в котором действуют общие для природы и общества алгоритмы адаптации, конкуренции, симбиоза

Зуев А. С. Рец. на кн.: Головнёв А. В. Феномен колонизации. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2015. 592 с. // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 8: История. С. 143–147.

и сукцессии. Колонизация, полагает автор, – это естественный процесс расселения человека по планете и освоения им новых экологических ниш, процесс, который начинается и продолжается в силу постоянной потребности к движению как каждого конкретного человека, так и разноформатных человеческих коллективов – этносоциумов (С. 13–21). Одновременно колонизация – это «механизм освоения пространства и социальных взаимодействий» (С. 9), именно она обеспечивает коммуникацию людей и культур, их распространение, взаимодействие, аккультурацию и интеграцию.

Применяя антропологический подход к изучению исторических явлений и процессов, или иначе – «человеческое измерение» истории, А. В. Головнёв стремится показать, что экспансия людей в разные, даже хронологически далеко отстоящие друг от друга эпохи обнаруживает много общего. Главным в этом процессе, по его мнению, является мотивация движения, которая, по мысли автора, заключается не только и даже не столько в сплетении в разнообразной конфигурации различных субъективных и объективных факторов («персональных проектах, разрешении социальных конфликтов, военной безопасности, торговой коммуникация, создание очагов аграрного и металлургического производства» (С. 52)), сколько определяется биосоциальной природой «человека движущегося» – *homo mobilis*, перманентно стремящегося к освоению нового пространства и господству над ним. Развивая идеи Ф. Ратцеля, В. О. Ключевского и других приверженцев «теории колонизации», А. В. Головнёв констатирует, что «вся история человечества предстает историей колонизации» (С. 9). Но при этом, в отличие от многих историков, оперирующих преимущественно политическими, социальными и экономическими категориями, он указывает на то, что колонизация не ограничивается созданием новых поселений, а предполагает стратегии коммуникации и контроля над пространством (С. 10). Отталкиваясь от этого тезиса, автор предпочитает анализировать социальные и политические конструкции, созданные людьми, не как институты, не в статике, а в динамике, как постоянно меняющееся сочетание механизмов и технологий, помогающих осуществлять власть над пространством – природным, экономическим, социальным и политическим. «Как бы ни варьировались формы империй, от древних кочевых до современных финансовых и виртуальных, – констатирует исследователь, – главным их признаком выступает контроль над многообразным пространством, основанный на военно-политическом господстве» (С. 162).

Выявляя общие черты колонизационных процессов в разные эпохи и на разных территориях, А. В. Головнёв выделяет два основных вида колонизации: локальный (освоение экониш с их биоресурсами) и магистральный (охват больших пространств с их социальными ресурсами). В свою очередь в магистральной колонизации он обнаруживает «три стили: кочевой, силовой и сетевой; первый подразумевает мобильную власть над пространством зависимых народов и стран; второй – военно-административное подчинение (нередко в виде имперского порядка); третий – торгово-промышленную паутину отношений с элементами партнерства» (С. 539). При этом он обращает внимание на то обстоятельство, что любая колонизация – не однонаправленное движение, а «дорога с встречным движением», по которой может произойти «колонизация-вспять», рокировка ролей колонии и метрополии: «Любое завоевание (колонизация, миграция) несет эффект бумеранга, потому что прокладывает путь, по которому почти сразу начинается встречное движение (например, в виде пленных), а позднее разворачивается “колонизация метрополии”» (С. 536, 539).

Сформулированная А. В. Головнёвым концепция «феномена колонизации» в своих основных положениях и синтезирующей их генеральной идее представляется в целом убедительной и открывающей широкие возможности для лучшего понимания мотивов, которые детерминируют непрерывный процесс освоения и присвоения человечеством разнообразных пространств – от природных до виртуальных. В то же время в рецензируемой монографии присутствует немало трактовок и интерпретаций, которые вызывают желание подискутировать и даже покритиковать автора. Обратим внимание лишь на те из них, которые представляются принципиально значимыми.

В первую очередь отметим, что автор никак не объясняет, почему он сосредоточил внимание на колонизациях, осуществленных древними греками, тюрко-монголами, западноевропей-

цами (в том числе как особый вариант – скандинавами) и русскими. Вполне понятно, что это наиболее яркие и масштабные в «письменный» период всемирной истории колонизационные мероприятия. Однако жанр научного (пусть даже научно-популярного) труда все же требует формулирования четких критериев определения объекта и предмета исследования, хотя бы для того, чтобы у читателя не возникали недоуменные вопросы по поводу отсутствия в монографии финикийской, римской, ацтекской и иных колонизаций.

Будучи полностью солидарны с А. В. Головнёвым в том, что первейшей, стартовой причиной любой колонизации является органическая потребность человека в движении и в контроле над пространством, мы категорически не согласны с его стремлением минимизировать и даже вовсе отрицать роль разнообразных факторов, вызывавших движение человеческих сообществ и колонизацию ими пространства. Он неоднократно по поводу разных вариантов колонизации утверждает, что «главным мотивом экспансии были не выгоды торговли и не выселение лишних ртов, а открытие пространства возможностей и неясностей» (С. 75), что «идеологема кочевой колонизации заключалась не в рациональном освоении новых пастбищ, а в установлении господства над большими пространствами» (С. 97), что «мотив власти над социальным пространством всегда был базовым, тогда как торговые, ресурсные и прочие потребительские практики выступали в качестве попутных технологий» (С. 151), что «базовой мотивацией оставалась палеолитическая жажда добычи» (С. 161), и т. д.

Безусловно, без способности и предрасположенности человека к расселению и освоению новых пространств и господству над ними никакое движение людей и их разноформатных сообществ не началось бы вообще. Однако толчок к движению, ритм движения, его направленность, масштабы и результаты во многом определялись и определяются иными факторами, как, например, природно-географическими условиями, борьбой за ресурсы (в том числе выгодные параметры торговли), стремлением к материальному обогащению, наличием средств передвижения, вооружения и технологий, политическими и религиозными идеологемами, мировоззрением, конструирующим желаемое мироустройство, и т. д. Если не учитывать эти факторы, останется непонятным, почему одни народы активно и успешно двигались по планете, практикуя магистральный вариант колонизации, тогда как другие тысячелетиями оставались почти без движения, ограничиваясь локальным вариантом колонизации. А. В. Головнёв пытается объяснить этот феномен способом хозяйствования «малоподвижных» народов. Он пишет: «Локальным сообществам чуждо стремление к пересечению границ. Даже война в их практиках предполагала не передел пространства, а поддержание или восстановление сложившегося порядка. Им не свойственна экспансия... Земледелец, рыбак и ремесленник выработали иную схему: им близка уютная локальная ниша с родными местами и очерченными границами, но чуждо пересечение границ, вторжение в чужое пространство, состояние долгого пути» (С. 80–81). Однако как тогда понять причины, которые сподвигли эллинов и скандинавов (бывших в своей массе земледельцами, рыбаками и ремесленниками), а также русских (в основном земледельцев) к колонизации больших пространств? Ответы, которые дает А. В. Головнёв на эти вопросы, явно недостаточны для объяснения мотивов колонизационного движения оседлых европейцев.

Что же касается магистральной колонизации, то если следовать логике автора, кочевники (тюрко-монголы) – «магистральные колонизаторы» с их «инстинктивным» «стремлением» к «пути и охвату большого пространства» (С. 93) должны были перманентно, вплоть до сегодняшнего дня, упражняться в колонизационном движении. Однако у них, как известно, колонизационный запал исчез с наступлением Нового времени. Почему? У кочевников резко поменялась «ментальная карта мира»? Или же дело в том, что на авансцену истории вышли европейские регулярные армии, вооруженные огнестрельным оружием?

Еще одно критическое замечание касается степени влияния «ордизма» на судьбы России. А. В. Головнёв вполне в духе евразийства полагает, что это влияние было огромным, и, в частности, благодаря ему в России утвердилось тотальная абсолютная власть монарха (С. 259, 263, 268–276, 281). Полагаем, что если бы автор принял в расчет многочисленные исследования, убедительно доказывающие как определяющее влияние «византизма» («понтизма» в терми-

нологии автора) на политическую культуру России, так и отсутствие абсолютного и тотального единовластия ханов в кочевых ордах, то он был бы более осторожен в своих оценках. Рассуждая о степени и характере «ордынского» влияния, нужно учитывать то обстоятельство, что ко времени и во время господства «ордизма» над Русью тюрко-монгольский мир впитал в себя немало государственно-правовых и культурных компонентов, заимствованных из иных миров – китайского (конфуцианского и буддистского) и арабо-персидского (исламского), русская же государственность явилась результатом симбиоза политической институционализации земледельческого общества и христианско-православного понимания власти и права. Данное обстоятельство заставляет сильно сомневаться в сколько-нибудь серьезном влиянии «ордизма» на культурные паттерны и доминанты, утвердившиеся в русской культуре. И нет, вопреки мнению А. В. Головнёва, никакого парадокса в том, что «в условиях ордынского ига православие на Руси окрепло» (С. 289). Оно и окрепло как раз потому, что стало мощнейшим фактором самоидентификации «своих» – русских в их противостоянии чужой культуре. И Москва не «ухватилась» «за “вертикаль понтизма”» лишь после того, как «зашаталась Орда» – русские князья со времен князя Владимира Красное Солнышко никогда эту «вертикаль», укрепляющую их власть догматами «нести бо власть аще не от Бога» и «царство выше священства», не выпускали из своих рук. Заметим также, что славяне задолго до того, как на них стали влиять «нордизм» (скандинавы), «ордизм» (тюрко-монголы) и «понтизм» (византийцы), обладали мобильностью, иначе как бы они заселили огромные пространства Восточной Европы.

Много замечаний у нас вызвала трактовка А. В. Головнёвым землепроходческого движения. Но, опять же, обратим внимание лишь на принципиальные моменты.

В исторической литературе уже вполне показано и доказано, что «пионерами открытий» не только на юге, но и на севере Сибири являлись преимущественно служилые люди, а не «торговые и промышленные люди», как считает автор (С. 502, 534). Другое дело, что в составе землепроходческих отрядов могли присутствовать, и даже в большем числе, промысловики-охотники и всякие вольные «охочие» люди. Однако руководящую роль в таких отрядах играли все же служилые люди, официально уполномоченные воеводами и приказчиками. Не следует преувеличивать и самостоятельность, инициативность и предприимчивость землепроходцев. При всей стихийности землепроходческого движения, особенно в Восточной Сибири, оно координировалось и контролировалось воеводами и центральной властью. Самостийные походы были крайне редки, организовывались они «бунтовщиками» и никакой сколько-нибудь заметной роли в колонизационном движении не сыграли.

Вызывает недоумение и упрощение мотивов, которые двигали землепроходцами. «Из официальных донесений, – пишет А. В. Головнёв, – может сложиться впечатление, что казаки и служилые люди были озабочены исключительно сбором ясака в казну, а туземцев – под государеву руку. На самом деле они рвались в походы не столько ради государевой прибыли, сколько в азарте дозволенных под видом ясака разбоев и не в последнюю очередь ради добычи пленниц. “Женский вопрос” был одним из главных мотивов их поисков и походов» (С. 502; см. также: С. 512). Кроме того, автор, как можно понять, отрицает уже давно устоявшееся в историографии мнение о том, что в Сибирь и в целом на восток русских влекла погоня за пушниной.

Разумеется, не следует, как это делалось в поздней советской историографии, идеализировать землепроходцев. История Сибири XVII в. дает немало примеров безудержного грабежа казаками сибирских аборигенов, захвата у них пленных и сексуального насилия над женщинами. Однако внимательное прочтение отписок, челобитных и распросных речей землепроходцев заставляет прийти к мысли, что те, кто шел «встречь солнцу», вполне осознавали свою сопричастность «государеву делу». Они, не упуская возможность пожить за счет местного населения, все же осмысленно, пусть даже подчас и вынужденно, «искали прибыль великому государю» – подчиняли и обьясачивали «иноземцев», понимая, что тем самым выполняют важную функцию «служения государю». Надо учитывать и такой немаловажный мотив, как стремление «выслужиться», получив награду, прибавку к жалованию и повышение по службе, а сделать это можно было, только серьезным образом увеличив всю ту же «государеву при-

быль». Кроме того, «разбои» нередко вызывались стремлением землепроходцев обеспечить себя продуктами питания, одеждой, средствами передвижения, а также вернуть долги, поддержать или улучшить свой материальный достаток. Поэтому не следует весь широкий спектр мотиваций землепроходческого движения сводить к «азарту». В деятельностных схемах землепроходцев вполне органично переплетались, превалируя в зависимости от конкретных обстоятельств, казачья вольница и государева служба.

Отрицание же «пушной лихорадки» как важного фактора, стимулировавшего русское движение «встречь солнцу», выглядит, по меньшей мере, странно. Нельзя забывать, что за спиной сибирских промышленных людей стояли крупные купцы, а служилых людей – государева казна, а им нужна была пушнина, являвшаяся «мягкой валютой» России на международных рынках. В качестве средства платежа она выступала и во внутрироссийской, в том числе внутрисибирской торговле. Именно поэтому землепроходцы, и не только они, стремились к приобретению пушнины, причем разными способами и как можно в большем объеме. Увеличение, а затем уменьшение численности охотников-промысловиков в северных районах Сибири напрямую коррелировало с объемом добываемой там пушнины.

Специалисты в других областях российской и всемирной истории наверняка, при желании, смогут сформулировать применительно к монографии А. В. Головнёва свои критические замечания. Но, как известно, любое научное исследование – это результат авторской интерпретации эмпирического материала с помощью определенных исследовательских подходов и методов. А. В. Головнёв представил свое видение феномена колонизации в историческом прошлом. Оно по ряду концептуальных положений и частных наблюдений представляется дискуссионным, но при этом в целом, несомненно, является оригинальным, новаторским и вносящим серьезный вклад в понимание колонизационных процессов, а также демонстрирующим огромные возможности исторической антропологии. В заключение заметим, что научные изыскания А. В. Головнёва, изложенные в двух его фундаментальных монографиях – «Антропология движения» и «Феномен колонизации», однозначно убеждают в том, что генеральным трендом развития человечества со времен палеолита и до наших дней являются миграция, колонизация и глобализация.

Список литературы

Головнёв А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: Волот, 2009. 496 с.

А. С. Зуев

д-р ист. наук, профессор кафедры
отечественной истории Гуманитарного института
Новосибирского государственного университета
zuev.nsu@gmail.com